

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

А. Г. Дружинин¹

«КУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ» ОБЩЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИТОГИ СТАНОВЛЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ

Понимание (и признание) необходимости «освоения» культурологической проблематики имманентно нашей национальной традиции; методологические установки и подходы по инкорпорированию феномена культуры в предметную сферу географической науки получили отражение в трудах целой когорты ведущих, новационно и масштабно мыслящих отечественных географов XX столетия: А.С. Берга[1], Н.Н. Баранского[2], Р. М. Кабо[3], Ю.Г. Саушкина[4], С.Б. Лаврова[5], Н.Т. Агафонова[6], Ю.Д. Дмитриевского[7]. Тем не менее, лишь в конце 1980-х, на самом излёте Советской эпохи, были опубликованы работы, ознаменовавшие собой системную, целенаправленную активность по изучению культурно-географической реальности [8 - 14]. К середине 1990-х состоялись первые в России защиты диссертаций по географии культуры (в том числе и на соискание степени доктора географических наук [15]), реализован цикл исследований географии русской культуры [16, 17 и др.], появился ряд иных, широких по палитре, оригинальных по объектной сфере и замыслу статей и монографий [18 – 23 и др.]. Процесс становления нового научного направления (в целом созвучный логике «социологизации» и «гуманизации» географии, её дифференциации, равно как и фрагментарно реализуемым установкам на общегеографический синтез) был, таким образом, «запущен»; ныне, почти четверть века спустя, его итоги впечатляют, вдохновляют и, одновременно, настораживают, требуют разностороннего (в том числе критического) анализа.

Мне, географу-обществоведи, в годы научной юности де-факто оказавшемуся у истоков формирующегося направления, безусловно, отрадно осознавать, что культурологическая «ветвь» в отечественной географии оказалась поддержана, развита, обогащена новыми теоретическими концептами, представлена многообразием предметных областей и инструментальных подходов

¹ Дружинин Александр Георгиевич, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета.

исследования. Пройдя процесс становления в непростые для российской науки кризисные и «посткризисные» годы конца XX - начала XXI столетия, она, вне всякого сомнения, не только состоялась, но и явила опережающий (по сравнению с подавляющей частью иных направлений общественной географии), позитивный по своему вектору тренд. Начиная с середины 1990-х гг. в России по культурно-географической и близкой к ней тематике опубликовано около полусотни разноплановых монографий (в том числе масштабных, программных, обобщающих [24 - 39 и др.]); подготовлены многочисленные диссертационные работы (лишь в рамках специальности 25.00.24 защищено 15 докторских диссертаций). Сложились и компоненты необходимой для воспроизводства этого научного направления инфраструктуры: в качестве общегосударственного центра исследований культурологической проблематики полномасштабно проявил себя созданный в 1992 г. Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва; с 2012 г. начато издание специализированного электронного журнала «Культурная и гуманитарная география». На различных временных этапах (и с неравновесной степенью включённости) в развитии культурологических идей и подходов (в том числе и архиважной в России этнокультурной тематике) участвовали до 150 представителей нашего профессионального географического сообщества (и это немало, если учитывать, что общая численность, к примеру, географов-обществоведов в стране не превышает порядка 700-800 [40]). Впрочем, число исследователей, для кого данная проблематика оказалась профильной – существенно меньше; ещё малочисленнее плеяда тех, кто ныне уверенно относит себя к числу представителей «**культурной географии**». Ситуация эта во многом закономерна, предопределяется историей формирования данной научной субдисциплины, её современными когнитивными установками, позиционированием в системе географических наук.

Так сложилось, что процесс становления культурно-географического направления в современной России оказался фактически двухэтапным, под воздействием ряда объективных и субъективных факторов происходившим *одномоментно* с кардинальной трансформацией только-только начавших формироваться «стартовых» методологических подходов; ситуация эта хорошо отражена в имеющихся историографических обзорах [41, 42], подтверждает её и ретроспективный анализ профильных научных публикаций и диссертаций.

Базировавшаяся на методологии советской экономической и социальной географии и в существенной мере сфокусированная на предельно актуализированной в тот период этнокультурной тематике, **география культуры** (подобное наименование культурологической «ветви» географической науки в целом превалировало вплоть до конца 1990-х) уже на рубеже веков оказалась существенным образом «перезаформирована» на основе активного заимствования наработок зарубежной *cultural geography* (испытывшей, в том числе, и влияние идей постмодерна). В результате, сциентистская исследовательская парадигма

(нацеливающая на пространственный анализ культуры, изучение ее территориальной организации и структуры, отношений и связей между ее элементами, «культурной морфологии» земной поверхности [42]) первоначально оказалась дополненной (а впоследствии – и потесненной) феноменологическими, перцепционными и метафизическими подходами; доминирующими в культурологической «ветви» российской географии, при этом, оказались понятия «восприятие территории», «географический образ», «историко-культурное наследие», «культурный ландшафт», «идентичность». Параллельно расширились (одновременно, всё более становясь «размытыми») предметно-содержательные границы субдисциплины. Проявилась «неучитываемая», реализуемая вне формальных рамок географических специальностей, активность (симптоматичны, в этом отношении, защиты докторских диссертаций по культурологии Д.Н. Забелиным, философии – О. А. Лавреновой и С.Я. Суцим). Наряду с декларируемым мейнстримом, сохраняла присутствие и «неявная» (не всеми, и не во всех ситуациях воспринимаемая как «своя») культурно-географическая проблематика, в том числе и культивируемая преимущественно в системе общественной географии: пространственной дифференциации качества и образа жизни, традиционного природопользования, локализации этносов и этнических культур, инноваций и т.п. Кстати, именно она (судя по ВАКовской диссертационной статистике по специальности 25.00.24) абсолютно доминировала в 1990-е гг., продолжая и в дальнейшем (на фоне растущего числа защит по ментальной географии, ландшафтоведческой тематике, ряду других направлений) сохранять свою преимущественную популярность у новых поколений соискателей (табл. 1). Правда, происходило это, в целом, уже практически вне какой-либо осознанной сопричастности с видоизменившейся своей предмет культурологической «ветвью» географии.

Таблица 1. Распределение диссертаций «культурологического профиля» специальности 25.00.24 по доминантной тематике

Годы	Диссертации, всего	в том числе								
		Этнокультурные процессы	Качество и образ жизни	Ментальная география	Конфессиональная география	География инноваций	Культурное наследие	Традиционное природопользование	Геокультурная обстановка, геопространство и социокультурное развитие территории	Культурно-ландшафтоведческий анализ
1995-1997	6	3	1	1	-	1	-	-	-	-
1998-2000	6	4	2	-	1	-	-	-	-	-
2001-2003	21	5	4		1	4	1	3	3	-
2004-2006	19	3	6	1	1	1	2	1	2	2
2007-2009	16	4	4	2	-	-	3	1	-	2
2010-2012	5	1	2	1	-	-	-	-	1	-
Всего за 1995-2012	73	19	19	5	3	6	6	5	6	4

«Трансформация объекта исследования, – подчёркивал мой учитель, С.Б. Лавров, – неминуемо влечёт за собой трансформацию самой науки» [44, с.31]; справедливость этого тезиса подтверждается и в рассматриваемой сфере. Итогом разноаспектных изменений стал, прежде всего, своего рода *ребрендинг* научного направления: впервые озвученное в русскоязычной литературе в 1993 г. [19] понятие «культурная география», впоследствии практически полностью заменило ранее популярное (и, честно говоря, более логичное, приемлемое и для «фиксации» предмета, и с точки зрения русского языка) словосочетание «география культуры». Рубеж 2000-2001 года (когда на коротком временном интервале наблюдался «терминологический дуализм», в том числе и в публикациях одних и тех же авторов [45, 46]) оказался в этом отношении «переломным», хотя практика оперирования двумя альтернативными названиями и в последующие годы рудиментарно поддерживалась некоторыми географами-культурологами «первой волны» (например, А.Г. Манаковым [47]).

Всё больше фокусируясь на *пространстве смыслов*, «культурная география» кардинально видоизменялась: внутри неё складывалась (начиная доминировать, вытесняя иные возможные аспекты тематики на периферию субдисциплины и вовне её) т.н. «гуманитарная география» (в понимании её создателя и лидера Д.Н.Замятина, его ближайших коллег и единомышленников). Как это констатирует один из наиболее активных «культурно-гуманитарных географов» И.И.Митин, «создание специфического по своему концептуальному аппарату и охвату предметной области междисциплинарного научного направления под наименованием гуманитарной географии и стало основной особенностью развития культурной географии в постсоветской России» [42, с. 23].

То есть (акцентирую!), фактически, «культурная география» (первоначально) преодолела объективные историко-методологические ограничения «географии культуры», а затем, преобразаясь в процессе своей последующей эволюции, явила столь видоизмененную сущность, что потребовалось вновь переименовывать данную область научного поиска. При этом возникает дилемма – либо с появлением «гуманитарной географии» логика становления культурной географии уже практически исчерпана, либо, напротив, предметная область культурной составляющей в географии в последние годы оказалась произвольно сужена? И, соответственно, в этой связи актуализирована необходимость своего рода «неокультуризации» географии, в первую очередь – её общественно-географической составляющей. Придерживаясь второй позиции, полагаю возможным (и крайне актуальным) дальнейшее развитие исследований культурно-географической тематики как «вширь», так и «вглубь», прежде всего на основе всё более тесной стыковки с другими направлениями общественной географии.

«Новая парадигма, — совершенно справедливо подметил Д. Харви, — может обеспечить чрезвычайно эффективные методы изучения отдельных вопросов, но в целом за выигрыш в концентрации усилий мы жертвуем полно-

той охвата проблем» [48, с. 34]. Испытав метаморфозу и, при этом, генерируя оригинальные инструментальные подходы, российская «культурная география», с одной стороны, стала значимой «площадкой» трансферта различного рода инноваций, одним из «полюсов развития» в современной системе географического знания. С другой — оказалась в существенной мере фрагментированной, асимметричной по своей тематике, сфокусированной лишь на одном (пусть новом и важном!) её аспекте. Культура же, «будучи потенциально всем ... не может быть сведена ни к какому отдельному виду природного или общественного бытия» [49, с. 328]. В итоге, произошла практическая подмена частью – целого; потенциал исследования всей реальной многоликости географического бытия культуры в рамках современной российской «культурной географии» оказался реализован лишь частично, а соответственно, и само направление в существенной мере недоформировано. Показательно, в этом отношении, мнение В.Н. Стрелецкого (изложенное в его недавно защищённой докторской диссертации [43]): культурная география в России до сих пор находится в стадии становления, в фазе поиска своей идентичности. Полагаю, что наиболее ярким проявлением подобного «незрелого», транзитивного состояния субдисциплины выступает характерная для неё чрезмерная увлечённость мимолётными интеллектуальными модами, отсутствие устоявшихся общих теоретических положений, внутрикорпоративной «договорённости» по поводу понятий, дефицит (за исключением, разве что, проблематики «природного и историко-культурного наследия») логичного, апробированного и хорошо тиражируемого исследовательского инструментария.

Всё перечисленное благоприятствует углублению дистанции между наиболее активными и продуктивными адептами современной «культурной географии» и остальной частью профессионального сообщества (зримое проявление тому – стремление позиционировать «культурную географию» как сепарированную от общественной географии сферу научного поиска [42]). Существенно усложняется и необходимый процесс диффузии геокультурных подходов в иные составляющие общественной географии, тормозя, тем самым, развитие нашей науки в целом и её культурологической субдисциплины, в частности.

Судя по диссертационной статистике (формальному индикатору исследовательской активности и тематических предпочтений), популярность мейнстрима современной российской «культурной географии» (изучение геобразов и территориальной идентичности, культурно-ландшафтоведческий анализ, проблематика «наследия») у поколений молодых авторов (и, разумеется, у их научных руководителей, членов диссертационных советов) – весьма незначительна. За последние восемнадцать лет из всего немислимого «вала» (для нашей численно очень скромной профессиональной корпорации) кандидатских и докторских диссертаций по специальности 25.00.24 (772 !) — на долю перечисленной выше тематики пришлось лишь 15 работ, т.е. менее 2 %.

«Пиковым» же (в плане защит) оказалось начало 2000-х; в дальнейшем интерес к «культурологической» проблематике начал ощутимо иссякать (табл. 2), косвенно свидетельствуя как о кризисе субдисциплины, так и о выраженном неблагополучии общественной географии в целом.

Таблица. 2. Количество и удельный вес диссертаций по географии культуры в общем объёме диссертационных работ, защищённых в России по специальности 25.00.24 за 1995 – 2012 гг.

Годы	Общее число защищённых диссертаций	Диссертации по геокультурологической тематике	Удельный вес диссертаций по геокультурологической тематике в общем количестве защищённых диссертаций, %
1992-1994	45	0	-
1995-1997	73	6	8,2
1998-2000	92	6	6,5
2001-2003	140	21	15,0
2004-2006	215	19	8,8
2007-2009	144	16	11,1
2010-2012	108	5	4,6
Всего за 1995-2012	772	73	9,5

Четыре десятилетия тому назад блестящий теоретик экономической географии Ю.Г. Саушкин прозорливо полагал, что в перспективе «территориальные системы станут более многогранными, чем в настоящее время, более динамичными» [50, с.511]. На рубеже 1990-х наша страна, понеся утраты и испытав потрясения, вступила в полосу турбулентности; под воздействием сложного комплекса глобальных и региональных детерминант её общественно-географический контекст многократно усложнился, продолжая стремительно (не всегда явно и позитивно) видоизменяться.

В частности, следует учитывать, что перманентное воздействие глобальных геоэкономических, геополитических и геокультурных трендов на общественно-географическое пространство России (страны, по А.И. Трейвишу – многососедского положения [51]) дополняется его углубляющейся поляризацией и фрагментацией, предопределяемой, в том числе, и этнокультурными факторами, возрастающим влиянием сопредельных «центров силы», а также стран и регионов – миграционных «доноров». Испытывая абсолютную и, в ещё большей мере, относительную депопуляцию (за 1900 - 2010 гг. доля России в её современных территориальных «рамках» в мировом населении уменьшилась с 4,5 до 2 %; к 2030 г. данный показатель, вероятно, не превысит 1,5 % [52]) и, одновременно, выступая как активно заселяемая извне страна (практически каждый десятый из прошедших процедуру переписи в 2010 году – мигрант постсоветского периода), в XXI веке Российская Федерация оказалась перед лицом реальной перспективы масштабной этнокультурной трансформации. Глобализирующаяся и уже по целому ряду аспектов в существенной мере «вестернизированная» страна параллельно устойчиво воспроизводит

свою «евразийскую» этнодемографическую структуру, наращивает исламскую составляющую, что множит ситуации этнокультурного замещения, порождает эффекты «культурного соседства» (когда одно и то же пространство освоено двумя разными способами, имеет два разных облика [53]). Ведущие российские города всё плотнее инкорпорируются в глобальные иерархии урбанистических сетей, а масштабнейшая, в постсоветский период рельефно проявившаяся, расширившая свои пределы российская периферия (по оценке Т.Г. Нефёдовой 70% территории России можно отнести к внешней периферии и еще около 15% к – внутренней [54]) в своей осязаемой части начинает обретать *полизаисимый* (в геоэкономическом и геокультурном отношении) характер. При этом, как в Российской Федерации, так и в мире в целом на всех таксономических уровнях (от поселенного до метарегионального) активизируется территориальная конкуренция; успех в ней всё в возрастающей мере предопределяется «качеством» населения, экономики, инфраструктуры, социальных и экономических институтов; параллельно усиливается роль инноваций и информации [55], а образы пространства обретают способность напрямую влиять на экономические взаимоотношения и принятие решений [56]. Являя свою поливекторность и многополюсность, геокультурная динамика, в итоге, всё осязаемее проецируется и на геоэкономику, и на геополитику, выступает их совокупной результирующей, обретая ипостась базового фактора, стержневого элемента и целевого вектора эволюции всей общественно-географической реальности.

Необходимо признать – ни исследовательским инструментарием, ни выбором структурно-тематических приоритетов отечественная общественная география (по многим, ранее названным причинам [57, 58]) «не поспевает» за подобными переменами, а образ российского геопространства и в массовом сознании, и у тех, кто принимает управленческие решения, и, увы, у подавляющей части наших географов – продолжает (как это неоднократно подмечено [59, 60]) оставаться крайне упрощённым. К сожалению, лишь аспектно состоявшаяся «культуризация» пока также не решила важнейшую для российской географии двуединую проблему её «очеловечивания» (по удачному выражению В.П. Максаковского [61, с. 33]) и одновременной «географизации», фактически – фокусировки на многообразии факторов, сторон, свойств и структур территориальной организации общества в целом и его культуры в частности. Концентрируясь на обосновании, идентификации и конструировании многообразных геообразов и геоконцептов (и решая, тем самым, задачу, столь же актуальную и новационную, сколь и фрагментарную), культурная география в своём сложившемся ныне виде оказалась чрезмерно локализована организационно и тематически; её, безусловно, увлекательное, но не всегда продуктивное блуждание в «королевстве кривых зеркал» – ещё больше продуцирует риски отрыва нашей науки от реальности, недоучёта её важнейших детерминант. Современная же ситуация как никогда ранее требует тщательного общественно-географического (в том числе и геокультурного) мониторинга, экспертизы,

концептуального обоснования, прогноза; это для профессионального сообщества – и проблема, и вызов одновременно. Ведь нерешённость базовой, фундаментальной задачи бумерангом бьёт по позициям, перспективе не только самой российской общественной географии, но и, вне всякого сомнения, в целом России, усложняя необходимое понимание современного её положения равно как и разумный геостратегический выбор.

Необходимым, в итоге, видится не только более широкий «разворот» нашей науки к современному российскому контексту, но и дальнейшая её «культуризация», в том числе на основе преодоления контрпродуктивной, в существенной мере искусственной дистанции между «культурной географией» и иными «ветвями» общественно-географического знания. Трансферт социогуманитарных идей, включая укоренение ментальных подходов как в традиционные, так и сравнительно недавно оформившиеся направления общественной географии (ориентированные, в том числе, и на исследование невещественной, сверхчувственной и субъективной стороны реальности) должен сопровождаться достижением разумного баланса между «субъектно-объектной» и «субъектно-рефлексивной» (по терминологии В.Н. Стрелецкого [43]) методологическими установками в культурно-географических исследованиях. Базовой «площадкой» реализации интеграционных подходов, при этом, полагаю, способна стать предельно актуализированная и, по ряду аспектов, уже отчасти формирующаяся проблемно ориентированная междисциплинарная область исследований (наиболее подходящее для неё название – **геокультурное российское исследование**), сфокусированная на выявлении пространственных факторов, особенностей, тенденций и перспектив развития русской культуры, её взаимодействия с другими этнокультурными комплексами, в том числе и в евразийском, и в глобальном масштабе. Приоритетными здесь могут стать такие аспекты как постсоветская (в том числе инициированная глобализацией) реконфигурация отечественного геокультурного пространства, соразвитие в нём традиционных и новационных составляющих. Важно, при этом, не только ограничиться констатацией и иллюстрацией пространственной динамики, но и постараться дать культурно-нравственную оценку продолжающейся деградации российской деревни, равно как и концентрации ресурсов инновационного развития (в том числе и «человеческого капитала») в немногих ведущих городах-метрополиях. Требуют разносторонней культурно-географической экспертизы такие доминантные для постсоветской России процессы как деиндустриализация и «деаграризация» экономики, её «натурализация» и «теневилизация». Первостепенного внимания заслуживает также учёт воздействия на геокультурную ситуацию трудовых миграций (в том числе принявшего практически повсеместный и массовый характер т.н. «отходничества»), рекреации, локализации диаспор. Для подлинного развития российской географии культуры столь же необходимо совершенствование географической экспертизы «качества» различных компонент территориальной организации общества. Пролонгация и (во многих

ситуациях) усугубление природохозяйственных проблем актуализирует географические исследования экологической культуры.

Реализация базовой установки на более глубокое и детализированное выявление «человеческого измерения» общественно-географических структур и процессов инициирует также установление степени свободы-несвободы «среднестатистического» представителя территориальной общности от ограничений со стороны институциональных, структурных, рентных, транзакционных, транспортных и иных территориально-экономических обстоятельств (с «поправкой» на социокультурную, этническую и конфессиональную специфику). Существенен также и учёт влияния культурно детерминируемых (и территориально локализованных) способов воспроизводства и социализации новых поколений, организации хозяйственной повседневности, в том числе и на полиэтничных территориях, в ареалах трансграничных контактов. Параллельно обретает ещё большую актуальность проблематика генерирования, идентификации и конвергенции множества форм и образов общественно-географической реальности. Акцентирую, в русле развития вышеназванного направления необходимой видится «полиэтнизация» российской географии культуры: фиксация широкой географической палитры этнокультурных комплексов (в т.ч. взгляд на них «изнутри») и формирование поливариантных (сквозь призму различных этнокультурных и культурно-цивилизационных контекстов) образов российского геокультурного пространства. Ментальная картина, при этом, должна обретать возможно большую реалистичность, а для этого, в том числе, трансформироваться, становиться полицентричной (отражающей «взгляд» на российское геопространство различных территориальных общностей, ведущих политических сил, доминирующих корпораций, постсоветских и других соседних с Россией государств, региональных и глобальных лидеров) и полиэтничной. Безусловно, требуется пролонгация исследований (в том числе и инсайдерских) особенностей динамики «конфессионального ландшафта», равно как и эволюций этнических (этнокультурных) границ (этих «территориальных проявлений изменчивых идентичностей» [62]).

Для России XXI век, вероятно, будет непростым, во многом переломным, полным вызовов, рисков, трансформаций. И на фоне множества экономических, социальных, демографических и иных актуализированных аспектных проблем нашего настоящего и грядущего бытия, фундаментальный характер обретает именно культурологическая тематика, вопрос перспективы имманентного Российской Федерации этнокультурного комплекса, в том числе его стержня, «несущего элемента» – русской культуры. Это обстоятельство предопределяет целевой вектор развития отечественной общественной географии (в том числе и её культуроведческой составляющей), тематические приоритеты, императивы междисциплинарной интеграции.

Литература

1. Берг Л. С. Предмет и задачи географии // Известия ИРГО. 1915. Т. 51. № 9. С. 463–475.
2. Баранский Н. Н. О создании серии экономико-географических монографий по республикам и областям // Баранский Н. Н. Экономическая география. Экономическая картография. Изд. 2-е. М.: Географгиз, 1960.
3. Кабо Р. М. Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии. Сб. 5. География населения. М.: ОГИЗ, 1947. С. 16–17.
4. Саушкин Ю. Г. Культурный ландшафт // Вопросы географии. Сб. 1. М.: ОГИЗ, 1946. С. 97–106.
5. Лавров С. Б. Становление социальной географии: мнимые противоречия и реальные проблемы // Социальная география Калининградской области. Калининград: Изд-во Калининградского ун-та, 1982.
6. Агафонов Н. Т. О сущности и основных задачах советской социальной географии // Известия ВГО. 1984. Т. 116. №3. С. 205–211.
7. Дмитриевская Н. Ф., Дмитриевский Ю. Д. Проблемы инфраструктуры в новых направлениях экономической и социальной географии // Социально-экономические и экологические аспекты географии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983.
8. Веденин Ю. А., Середина Е. В. Роль культурного потенциала в региональном развитии // География и проблемы регионального развития. М., 1989.
9. Дружинин А.Г. География культуры: теоретико-методологический аспект. (Препринт научного доклада) Ростов-на-Дону: СКФ ГО СССР, 1989. 100 с.
10. Дружинин А.Г. Методологические основы географических исследований культуры // Известия ВГО. 1989. Т.121. Вып.1. С.59-64.
11. Дружинин А.Г. География культуры: некоторые аспекты формирования нового научного направления // Известия ВГО. 1989. Т. 121. Вып. 4. С.307-312.
12. Веденин Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1990. № 1. С. 5-17.
13. Дружинин А.Г. Некоторые аспекты географической интерпретации концепции ноосферы // География и природные ресурсы. 1990, № 1.
14. Дмитриевская Н. Ф. , Дмитриевский Ю. Д. География культуры и новое политическое мышление // География, политика и культура. Л.: Наука, 1990, С. 127-134.
15. Дружинин А.Г. Теоретико-методологические основы географических исследований культуры. Дисс. докт. географ. наук. Санкт-Петербург. 1995.

16. Суций С.Я., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. Ростов - н/Д: СКНЦ ВШ, 1994. 576 с.
17. Дружинин А. Г., Суций С. Я. География русской культуры: подходы к исследованию // Известия русского географического общества. Т.125. Вып.6, 1993.
18. Веденин Ю. А., Шульгин П. М. Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия РАН. Сер. географическая. 1992. № 3.
19. Новиков А.В. Культурная география как интерпретация территории // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 13. М.: МГУ – ИЛА РАН, 1993. С. 84-93.
20. Терехихин Н.М. Сакральная география Русского Севера (религиозно-мифологическое пространство северорусской культуры). Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1993. 223 с.
21. Туровский Р. Ф. Российское и европейское пространства: культурно-географический подход // Известия РАН. Сер. геогр. 1993. № 3. С. 116-122.
22. Гольц Г. А. Урбанизация как феномен культуры: закономерности социально-информационного разнообразия // Известия РАН. Сер. геогр. 1994. № 3. С. 24-37.
23. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс – Культура, 1995. 480 с.
24. Каганский В. Л. Ландшафт и культура. М., 1997.
25. Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. М.: Ин-т наследия, 1998. 210 с.
26. Замятин Д. Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999.
27. Дружинин А.Г. Теоретические основы географии культуры. Ростов–на–Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. 114 с.
28. Веденин Ю. А., Туровский Р. Ф. Культурная география, М., 2001.
29. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
30. Манаков А.Г. Геокультурное пространство Северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков: Изд-во Центра социального проектирования «Возрождение», 2002. 300 с.
31. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетей, 2003. 331 с.
32. Замятин Д. Н. Мета-география: Пространство образов и образы пространства. М., 2004.
33. Митин И.И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск: Ойкумена, 2004. 160 с.

34. Рагулина М.В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез. Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. 171 с.
35. Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
36. Соколова А.А. Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений: географическая интерпретация диалектных образов. СПб.: Изд. ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2007. 392 с.
37. Калущков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
38. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Изд-во «Новый хронограф», 2010. 240 с.
39. Лаврёнова О.А. Пространства и смыслы: семантика культурного ландшафта. М.: Ин-т Наследия, 2010. 330 с.
40. Трейвиш А.И. Как нас сейчас называть? // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2012 (1). С.5-19.
41. Стрелецкий В. Н. Культурная география в России: особенности формирования и пути развития // Известия РАН. Сер. географическая. 2008. № 5.
42. Митин И. И. Культурная география в СССР и постсоветской России: история вос(становления) и факторы самобытности // Международный журнал исследований культуры. 4(5). 2011.
43. Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм в Германии и России. Дисс. доктора геогр. наук. М. 2012.
44. Лавров С. Б. Интеграционные тенденции в географии // Советская география. Л.: Наука. 1984. С. 28 – 41.
45. Стрелецкий В. Н. Этническое расселение и география культуры // СССР - СНГ - Россия: география населения и социальная география. 1985–1996. Аналитико-библиографический обзор. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 112–143.
46. Стрелецкий В. Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия РАН. Сер. геогр. 2002. №4. С. 18–28.
47. Манаков А. Г. На стыке цивилизаций: Этнокультурная география Запада России и стран Балтии. Псков: Изд-во ПГПИ, 2004. 296 с.
48. Харвей Д. Научное объяснение в географии. М., Прогресс, 1974. С. 34.
49. Межуев В. М. Культура как проблема философии // Культура, человек и картина мира. Л.: Наука, 1990. С. 320-335.
50. Саушкин Ю. Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль. 1973.
51. Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф. 2009. 372 с.

52. Дружинин А. Г. Демографо-экономическая динамика регионов Юга России: долговременные тренды и новые тенденции в российском и глобальном контексте // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2012, № 1 (4). С. 3-16.

53. Лерсарян Т. Бескрайняя равнина конца времён // Отечественные записки. 2002. №3 .

54. Нефедова Т. Г. Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования, № 5 (20), 2008.

55. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. 2000.

56. Замятин Д. Геоэкономика: пространство как образ трансакции // МЭ и МО. 2006. № 5.

57. Дружинин А. Г. Российская общественная география начала XXI века: старые проблемы, новые вызовы // Экономико-географический вестник Южного федерального университета. 2008. № 5. С. 3 – 9.

58. Дружинин А. Г. От гуманизации к неогуманизации российской социально-экономической географии: тренды, проблемы, приоритеты // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2011, № 1 (2). С. 34-51.

59. Каганский В. А. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

60. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / Отв. ред. А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В.Е. Шувалов. Москва: Изд-во «Вузовская книга», 2012. 336 с.

61. Максаковский В. П. Географическая культура. М.: Владос. 1998. 416 с.

62. Российско-украинское пограничье: 20 лет разделённого единства / Под ред. В.А. Колосова и О.И. Вендиной. М.: Новый хронограф. 2011.

Г. М. Фёдоров¹

ИЗУЧЕНИЕ В БФУ ИМ. И.КАНТА ВОЗМОЖНОСТЕЙ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ЕС В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ НА БАЛТИКЕ

Важным направлением научных исследований Балтийского федерального университета им. И.Канта является комплексное изучение Балтийского региона с участием экономико-географов, экономистов, политологов, социологов. Результаты исследований освещаются во входящем в перечень ВАК жур-

¹ **Фёдоров Геннадий Михайлович**, доктор географических наук, профессор, директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства Балтийского федерального университета им. И.Канта (г. Калининград).